

Клюшников Виктор Петрович

Большие корабли

Роман в 3 частях

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В43

В43 **Виктор Петрович К.**
Большие корабли: Роман в 3 частях / Ключников Виктор Петрович – М.: Книга по Требо-
ванию, 2023. – 471 с.

ISBN 978-5-519-89396-1

ISBN 978-5-519-89396-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЧАСТЬ I.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

**Продуктъ огромнаго предложенія и весьма
незначительнаго спроса.**

Часу въ десятомъ вечера, когда потемки бабьяго лѣта густо лежали по Замоскворѣчью, прохожіе часто останавливались передъ окнами небольшого деревяннаго домика, прислушиваясь къ семейному гвалту, и послушавъ нѣсколько минутъ, отправлялись дальше. Въ домикѣ шумъ все усиливался, наконецъ хлопнула калитка, и въ переулокъ вышелъ очень молодой человѣкъ въ парусинной парѣ и сѣренькой круглой шляпѣ. Онъ шелъ по избитому кирпичному тротуару — скоро, положивъ руки въ карманы

коротенькаго пальто, глядя себѣ подъ ноги. У поворота на большую улицу, подъ фонаремъ, на угольной тумбѣ стоялъ лотокъ съ подсолнухами и десяткомъ сухихъ грушъ; юноша какъ-то зацѣпилъ его колѣномъ, лотокъ описалъ раза два окружность и съѣхалъ на камни, рассыпавъ товаръ. Старуха-разнощица съ воплемъ кинулась подбирать свое достояніе...

Молодой человѣкъ остановился, разставивъ руки, поглядѣлъ на старуху, потомъ на лотокъ...

— Сколько тебѣ, бабушка? проговорилъ онъ сконфуженнымъ голосомъ.

— Да что съ тебя, соколикъ! обрадовалась та, — нашъ товаръ таковский, подберу — ничего; за хлопоты что нибудь пожалуй...

Молодой человѣкъ пожался, вынулъ изъ кармана платокъ, и бросивъ его удивленной старухѣ, пошелъ еще скорѣе.

Вечеръ былъ сырой; тротуарныя плиты холодно блистали послѣ недавняго дождя, отражая мигающій свѣтъ фонарей, улица пустынно уходила въ узкую перспективу; рѣдкіе огоньки въ окнахъ погасали одинъ за другимъ. Молодой человѣкъ шелъ прямо, по видимому, безъ всякой цѣли. На Маленькомъ Каменномъ мосту онъ пріостановился, какъ будто его пора-

зила мысль, куда же наконецъ онъ идетъ; но это продолжалось не болѣе нѣсколькихъ секундъ. Онъ прошелъ Болото, и какъ только выдвинулся изъ тѣни послѣдняго дома, передъ нимъ выпукло легла свѣтлая мощеная покатошь передъ большимъ мостомъ, — направо темная рѣка съ каймою набережной и рѣзкими рельефными очертаніями Кремля; налѣво рѣка и даль Воробьиныхъ горъ въ сизой дымкѣ паровъ, а по ту сторону громаднѣй пятиглавый храмъ и желѣзныя крыши домовъ, тронутыя чистымъ червонцемъ мѣсяца, павшаго золотыми розсыпями внизъ на шумную стремнину воды у самыхъ быковъ. Молодой человѣкъ завернулъ въ одинъ изъ балкончиковъ моста и, ставъ колѣномъ на чугунный диванчикъ, облокотился на балюстраду, глядя на величавую пустыню засыпавшаго города. Изрѣдка раздавался грохотъ колесъ и гулъ ихъ на деревянной поверхности моста, потомъ опять дребезгъ на мостовой, и все стихало.

— *Soyez si bon*, рѣзко раздалось у него надъ ухомъ, — *quelque chose... retiré de service... pauvre officier...*

— Что вамъ угодно? обернулся юноша.

— Служилъ въ гусарахъ, продолжала темная усатая фигура, — ставилъ по десяти ты-

сячь на карту, шампанскимъ лошадей мыль и пр-р-ромотался какъ чор-р-рть! дайте чтонибудь на выпивку...

Произошло минутное молчаніе, во время котораго съ Болота отчетливо слышалось частое шелканье калошъ.

— Пустяковъ прошу, настойчиво проговорилъ *retiré de service*, — нѣтъ ли хоть гривенничка?

Калоши пошли по дереву моста.

— Свинья! отрѣзалъ гусаръ, поворачиваясь назадъ, и даже не обратился къ новому прохожему.

— За что-жъ вы ругаетесь? крикнулъ юноша съ азартомъ отчаянія. — Человѣкъ топитьсѣ хочетъ, а вы думаете, что мнѣ жалко что ли?

— Это кто-жъ топитьсѣ хочетъ? остановился прохожій, по голосу тоже довольно молодой человѣкъ: — Вы?

— Я... сказалъ юноша неувѣреннымъ голосомъ, точно соображая, точно ли онъ хочетъ утопиться, или это такъ только сорвалось съ языка.

— Да, ну вы еще не человѣкъ, спокойно проговорилъ подошедшій, — а все-таки любопытно! Дай-косъ я посмотрю, какъ вы это будете топитьсѣ...

Юноша досадливо отвернулся, и снявъ шляпу, сталъ опять смотрѣть на воду; золотистые волосы, разобранные отъ середины лба, поднимались мягкими дугами и спускались извивами на плеча. Когда владѣлецъ ихъ наклонялся, свѣшиваясь черезъ балюстраду, косица или двѣ отдѣлялись отъ прочихъ, картинно сбѣгали на женственное лицо и оттѣняли большіе глаза.

Прохожій, очевидно для соблюденія приличій, отошелъ немного и тоже облокотился на перила, искоса поглядывая на будущаго самоубійцу. Тотъ, словно надумавшись, оперся ладонями на край ограды и приподнялся на рукахъ...

— Эй, почтеннѣйшій, почтеннѣйшій! крикнулъ наблюдатель, подбѣгая къ нему и хватая за полу, — это ужъ не шутки, эдакъ и кувырнуться не мудрено.

— Да я вовсе не шучу, проворчалъ тотъ.

— Ну, это дѣло десятое; любитель сильныхъ ощущеній? Вы хоть съ родными-то посоветовались ли? Вѣдь это важный шагъ — и одинъ только не повторяющійся.

Несмотря на насмѣшливый тонъ этой выходки, было что-то вызывающее довѣріе въ манерахъ незнакомца, и юноша отвѣтилъ, что у него нѣтъ родныхъ.

— Ну, съ знакомыми?

Но и знакомыхъ не оказалось.

— Позвольте узнать, какъ васъ зовутъ и гдѣ вы живете?

— Меня зовутъ: Аполлонъ Звѣздочкинъ, отвѣтилъ юноша, — сослуживцевъ я не называю знакомыми, потому что еслибъ я обратился къ нимъ за этимъ совѣтомъ, они даже и камень на шею мнѣ дали бы, лишь бы отдѣлаться отъ меня... А гдѣ живу? Теперь я нигдѣ не живу...

— Вотъ это неправда, убѣдительно произнесъ незнакомецъ, — въ настоящее время мы оба живемъ въ Москвѣ на Каменномъ мосту... Даже для красоты слога, можно сказать, въ переходномъ состояніи.

На этотъ разъ новая выходка не произвела никакого дѣйствія на Звѣздочкина.

— Вотъ, заговорилъ онъ упавшимъ голосомъ, — вотъ каковы люди! Попробуй, обратись къ нимъ за помощью! У человѣка неисходное горе, они утѣшаютъ его шуточками! У человѣка смертельная рана, они находятъ варварское удовольствіе тыкать въ нее пальцемъ!

Звѣздочкинъ говорилъ порывисто, слегка вытягивая шею и оставляя губы полураскрытыми по окончаніи рѣчи, что очень шло къ его полудѣтскимъ чертамъ...

— Фразы о сослуживцахъ были удачнѣе послѣдняго вашего предположенія, сказалъ незнакомецъ, — повѣрьте опытности вольнопрактикующаго философа Юрія Люцкаго... Впрочемъ, вы всегда успѣете исполнить эту эволюцію, а пока не хотите ли выпить чаю, потолкуемъ на досугѣ...

Молодой человѣкъ казался озадаченнымъ такимъ прозаическимъ исходомъ дѣла и ничего не отвѣчалъ.

— Или въ самомъ дѣлѣ припала охота умирать? Что жъ, отговаривать, значитъ, не приходится... А то пойдѣмте вмѣстѣ?... Ну, какъ хотите...

И онъ пошелъ своею спѣшною походкой, но скоро за нимъ раздалась другая.

— Вы мнѣ нравитесь, проговорилъ Звѣздочкинъ, догоняя его.

— Правлюсь или нѣтъ, это мнѣ все едино, а вы субъектъ прелюбопытный, сказалъ Люцкой, отворяя дверь ближайшаго трактира.

— Вотъ такъ-то лучше, продолжалъ онъ, усѣвшись къ угольному столику. — Эй, милѣйшій, чайку намъ, да разрывъ-тоски съ подходящею закуской! Ну, что-жъ у васъ за кручина? Не страстишка ли? Да нѣтъ, вы такъ легко одѣваетесь, давно простыли бы...

— Какое! то давно пережито...

— Э, полно вамъ притворяться большимъ, перебилъ Люцкой, проводя рукой по бороде, — у васъ и зачатковъ этого еще нѣтъ... Ну, рассказывайте...

— Видите, я здѣсь какъ въ лѣсу; я казенный воспитанникъ и долженъ служить десять лѣтъ этому пр-р-равительству...

Онъ произнесъ это слово съ паузой, какъ будто оно было очень нехорошее. Люцкой быстро глянулъ на него всѣмъ смуглымъ, худощавымъ лицомъ, но ничего не сказалъ.

— Ну, вотъ и опредѣлили меня въ гражданскую службу, обѣщали жалованье, да третій мѣсяцъ все и обѣщаютъ; не могу же я питаться манной небесною, вѣдь я...

— Потому что ея нѣтъ; а вы кратче!—это аксіома, не требующая доказательствъ.

— Вотъ осень теперь на дворѣ, а у меня что видите: *omnia mea mecum porto*... Да въ довершеніе удовольствій хозяинъ съ квартиры гонить за неплатежъ...

И онъ опустилъ голову въ отчаяніи, но увидавъ подставленный ему стаганъ, принялся дуть въ него и прихлебнулъ...

— Вотъ вы перечислили важнѣйшія потребности человѣчества, заговорилъ Люцкой, улы-

баясь. — Ну, за неудовлетвореніемъ ихъ вы и рѣшились отправиться туда, гдѣ ихъ, говорятъ, нѣту... Ахъ вы, птенецъ! Кто же начинаетъ жизнь съ конца?

— Да мнѣ жить нечѣмъ! сегодня въ послѣдній разъ отпустили обѣдъ, а больше, говорятъ, не дожидайся...

— Да вѣдь вы сыты пока, осень тоже еще когда-то придетъ... остается квартира — нѣтъ ничего легче: ночуйте въ будѣ; все равно, когда-нибудь придется; ужъ безъ этого ни одинъ порядочный человѣкъ не обходится... А въ васъ именно этого-то нѣтъ, цѣпкости не хватаетъ... День за день перепустить не умѣете...

— Но, послушайте, перебилъ Звѣздочкинъ: — что у меня впереди? Какихъ-нибудь пятнадцать рублей въ мѣсяцъ на цѣлые годы! Развѣ можетъ на это жить человѣкъ развитой, съ высшими потребностями...

— А какія это, съ позволенія сказать, высшія потребности? ѣдко вставилъ Люцкой, наливая ему рюмку. — Я хотѣлъ-было рекомендовать вамъ человѣка, который, по странному стеченію обстоятельствъ, живетъ именно на эту, по вашему, ничтожную сумму, — да вы ужъ очень запугали меня; погожу, пока вы ее сыщете...

Звѣздочкинъ догадался, въ какой просакъ по-

пался съ своими потребностями. Онъ только тутъ разглядѣлъ, что сидѣвшій передъ нимъ обладалъ сильно заслуженнымъ драповымъ сюртукомъ, исправлявшимъ должность пальто, и судя по знакамъ отличія въ видѣ разнообразныхъ пятенъ, наряжавшимся на дежурство и въ домашнемъ быту; изъ-за лоснивагося галстука виднѣлась узенькая полоска цвѣтнаго воротничка; сапоги тоже заявляли потребность, прося каши...

— Что вы на меня такъ смотрите? проговорилъ онъ, встрѣтивъ пристальный взглядъ Люцкаго.

— Смотрю, что вы водки не пьете, да и думаю—извините за откровенность,—на что вы можете быть годнымъ, и какой изъ васъ прокъ будетъ...

— Была бы работа, силъ хватить, способности есть, въ головѣ цѣлый міръ...

— Это мы слышали, а вотъ попроще: какую именно работу?

— Пожалуй, урокъ...

— Ну это «пожалуй» тоже не растеть на улицахъ: я вотъ скоро курсъ кончаю, а у меня только одинъ.

— Ну, переводъ... Я стану съ лексикономъ слово за словомъ переводить...